

О.И. Кулагин¹
Петрозаводск

ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В КАРЕЛИИ В 1990-е гг.

В течение второй половины XX в. Карелия развивалась под влиянием преимущественно отраслей лесопромышленного комплекса, что не могло не сказаться на особенностях развития демографических процессов в республике в этот период. Анализ архивных данных, а также материалов официальной статистики позволяет сделать вывод о том, что моноотраслевой характер развития Карелии оказал комплексное воздействие на трансформацию демографического потенциала региона. Активная политика промышленного переселения в республику трудовых ресурсов из других регионов в послевоенные годы изменила национальный, половозрастной и профессиональный состав населения Карелии. Отказ от этой практики в более поздний период привел к резкому снижению притока населения извне.

Ключевые слова: Республика Карелия, экология, лесопромышленный комплекс, демографический потенциал, экономический потенциал.

O.I. Kulagin
Petrozavodsk

FEATURES OF ECOLOGICAL MODERNIZATION IN KARELIA IN THE 1990s

During the second half of the twentieth century, Karelia developed mainly under the influence of the branches of the timber industry complex, which could not but affect the peculiarities of the development of demographic processes in the republic during this period. Analysis of archival data, as well as materials of official statistics, allows us to conclude that the mono-sectoral nature of the development of Karelia has had a complex impact on the transformation of the demographic potential of the region. An active policy of industrial resettlement of labor resources from other regions to the republic in the post-war years has changed the national, gender, age and professional composition of the population of Karelia. The abandonment of this practice in a later period led to a sharp decrease in the inflow of population from outside.

Keywords: Republic of Karelia, ecology, timber industry complex, demographic potential, economic potential.

В 1990-е гг. в Республике Карелия резко активизировалась деятельность неправительственных природоохранных организаций («Гринпис России», «Гринпис Финляндии», «Центр охраны дикой природы», «Лесной клуб Российских НПО» и др.), осуществляющих намерение перераспределения лесов республики по несуществующим

¹ *Кулагин Олег Игоревич* – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия. E-mail: olkulagin@yandex.ru

и неутвержденным принципам и критериям отнесения спелых и перестойных лесов (эксплуатационного фонда) к так называемым «старовозрастным девственным лесам» (термин, отсутствующий в отечественной лесной науке).

В связи с полной неопределенностью указанных принципов и критериев выступавшие «экспертами» сотрудники «Гринпис» начали постоянно менять географию расположения «зеленых» участков лесов, выдвигаемых ими под охрану. Основываясь на информации, полученной от «Гринпис Финляндии», из хозяйственного оборота по республике предлагалось изъять 2,2 млн га лесных земель, 153,8 млн м³ древесины, или 27,7 % от удельного веса площади спелых и перестойных лесов и 27,9 % от их запаса. В результате такого давления со стороны «зеленых» в течение нескольких лет возможно было значительное сокращение производства шпона в лесозаготовительном производстве региона, вначале в восьми леспромпхозах лесопромышленного комплекса республики, а далее еще в семи-восьми. Без работы и средств существования, по мнению специалистов лесного комплекса, могли остаться более 15 тыс. жителей лесных поселков, а республика – лишиться 60 % экспорта древесины. В результате этих предложений расчетная лесосека по республике должна была сократиться на 3,081 млн м³. Отрицательным примером на локальной территории, по мнению лесопромышленников, являлось открытие Водлозерского национального парка, так как снижение уровня жизни в Пудожском районе в результате этого шага не привлекло к себе внимания, потому что оно проходило на фоне экономического кризиса начала 1990-х годов².

Поставки для переработки на внутренний рынок положение не могли спасти, так как масштабные акции «Гринпис» заставляли зарубежных потребителей отказываться от всех видов продукции из древесины «блокированных» зон. К концу рассматриваемого периода продолжилось давление на крупных потребителей древесины в республике (в частности на ОАО «Кондопога») с целью отказа от древесины из указанных районов. В результате последствия для экономики республики могли быть катастрофичны.

При этом иностранные предприниматели не торопились вкладывать какие-либо инвестиции в развитие (реконструкцию и модернизацию) карельских предприятий, обновление их техники. Австрийская фирма «Эггер» даже заморозила на неопределенное время уже гото-

² Лесопромышленный комплекс Республики Карелия (1990–1999 гг.) / под общей редакцией Е. Г. Немковича, А. М. Цыпука, А. И. Шишкина. Петрозаводск, 2000. С. 28.

вое к выпуску производство древесноволокнистых плит в Медвежье-горском районе³.

Ситуация осложнялась тем, что в данный период лесопользованием в республике наряду с отечественными лесозаготовителями занимались также финские компании, что вело к сокращению рабочих мест в леспромпхозах. В 1995–1996 гг. они осуществили до 15 % объема лесозаготовок (особенно в пограничной зоне). При этом финские лесозаготовители допускали значительные нарушения правил рубки главного и промежуточного пользования лесом. Это находило отражение в захламленности вырубок, оставленных на корню деревьях, поврежденном подросте и т. п.

Во внешнеэкономической деятельности преобладали поставки на экспорт продукции лесного комплекса. Большая часть (72 %) участников-экспортеров республики занимались экспортом древесины, бумаги и изделий из них. Удельный вес экспорта продукции лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности в общем объеме промышленного производства республики составил 80 %. За 1998 г. было экспортировано лесопродукции в целом по республике на 282,3 млн долларов (53,5 % всех экспортных поставок республики), в том числе древесины и изделий из нее – на 143,6 млн долларов (27,2 %), продукции целлюлозно-бумажной промышленности – 138,7 млн долларов (26,3 %). В товарной структуре экспорта древесины и изделий из нее наибольшую долю в 1997 г. занимали необработанные лесоматериалы и другие виды лесопромышленной продукции. В 1998 г. поставки товаров лесного комплекса осуществлялись в 63 страны мира. В общем экспорте доля стран вне СНГ составила 97,2 % (в 1997 г. – 96,6 %), государств СНГ – 1,6 (1,9%), Белоруссии – 1,2 % (1,5%). Основными партнерами по-прежнему оставались Финляндия (44 %), Турция (11 %), Великобритания (8 %), Иран (5%), Индия и Германия (по 4 % экспортных поставок республики). В Финляндию вывозилось 94 % необработанных и 35 % обработанных лесоматериалов, 36 % целлюлозы, 11 % газетной бумаги и практически вся топливная древесина. Основными потребителями газетной бумаги являлись Турция (21 %), Индия и Финляндия (по 11 %), Великобритания (9 %), Германия (8 %), Иран (6%). Наряду с экспортом в 1998 г. было импортировано лесопродукции на 12,6 млн долларов, что составило 11,4% от общего импорта в республике. Это в основном были сульфатная целлюлоза, картон, фанера клееная, изделия деревянные строительные, плиты из древесины, лесоматериалы⁴.

³ Некрасов М. Д. Вопросы управления лесным комплексом... С. 33–35.

⁴ Лесной комплекс Республики Карелия в 1998 году... С. 17–19.

Между тем Россия и Финляндия, подписав ряд важнейших международных соглашений, обязались соблюдать принцип неистощительного и устойчивого развития лесного хозяйства с учетом экономических, экологических и социальных аспектов. Республика Карелия данные обязательства со своей стороны выполняла, что было неоднократно подтверждено международными комиссиями, российскими учеными-лесоведами и работниками органов лесного хозяйства.

Кроме того, в Республике Карелия, по мнению специалистов, планомерно осуществлялась работа по организации особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Общая площадь охраняемых природных территорий, ценных лесов I группы, имеющих строго ограниченный режим пользования, в Карелии составляла в 1999 г. 13,2 % территории республики и 15,5 % площади лесного фонда, что в 3-4 раза было выше на тот момент площадей аналогичных территорий в Финляндии и Швеции. Одной из нерешенных в тот период проблем оставалось обеспечение финансирования этих уже созданных охраняемых природных территорий.

Мнение ученых Института леса КНЦ РАН заключалось в том, что исключение и замедление промышленного освоения спелых и перестойных древостоев влечет прямой и крупный экономический ущерб, не принося заметной в экологическом и биологическом плане пользы. По мнению тех же специалистов, в России была создана уже мощная нормативная и правовая база, направленная на регулирование лесопользования и сохранение экологических функций лесов, имеющая более чем 200-летнюю историю. Кроме того, в документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) было подтверждено суверенное право государств и правительств стран на управление своими природными ресурсами, а также невозможность вмешательства извне, введения каких-либо санкций и тарифов⁵.

Государственный комитет Республики Карелия по лесопромышленному комплексу на основании статей 71 и 72 Конституции Российской Федерации и статьи 42 Конституции Республики Карелия, а также учитывая, что действия «Гринпис» затрагивают существенные стороны гражданского, конституционного права и ряд других прав хозяйственных объектов и граждан Российской Федерации, что являлось неправомерным по самой сути со всеми вытекающими из этого последствиями, определенными действующими законодательными актами (Гражданский кодекс, Лесной кодекс, Земельный кодекс, Антимонопольное законодательство и др.), и в целях сохранения

⁵ Лесопромышленный комплекс Республики Карелия (1990–1999 гг.)... С. 29.

экономического лесоресурсного потенциала в интересах жителей Карелии считал необходимым решать возникшие проблемы с представителями неправительственных природоохранных организаций более цивилизованным способом. По мнению чиновников Госкомитета Карелии по лесопромышленному комплексу, прекращение лесозаготовок, к которым призывал «Гринпис», снизило бы поступления в бюджет и усилило бы социальную напряженность. Кроме того, с их точки зрения, необходимо было учитывать, что в Карелии осваивалось лишь 2/3 расчетной лесосеки, а грамотная системная рубка не только не повредила бы лесу, но и обеспечила бы его плавную регенерацию. Комплекс лесовосстановительных работ позволял поддерживать лесное хозяйство республики на должном уровне. По данным специалистов, в Карелии за период с 1994 по 1999 г. среднегодовые объемы лесовосстановления фактически превысили площади вырубок по годичной лесосеке почти на 10 тыс. га, а затраты на эти цели составили более 28 млн руб. в год. В 1999 г. плановый объем лесовосстановительных работ составил 28,6 тыс. га.

Проводимый органами лесного хозяйства и лесоустройства лесопатологический мониторинг позволял считать общее санитарное состояние лесов республики удовлетворительным. В то же время санитарное состояние отдельных сосновых древостоев, в том числе включенных в состав ООПТ, оставался неудовлетворительным и требовал проведения санитарных рубок как выборочных, так и сплошных для исключения полной потери технических качеств древесины. В таких условиях, по мнению специалистов Госкомлеса, было бы целесообразно пересмотреть типовые положения с целью снятия жестких ограничений на рубки по ряду ООПТ.

По доле охраняемых территорий Карелия находилась на уровне соседних государств. Площади, имевшие природоохранный статус, составляли 5,39 % территории Карелии, в том числе ООПТ – 5,1 %. Помимо этого, были зарезервированы до 2000 г. территории для создания национальных парков: «Койтайоки» – на площади 31,1 тыс. га; «Тулос» – 30 тыс. га; «Калевальский» – 114,8 тыс. га. Были также подготовлены документы для организации природного парка «Ладожские шхеры» на площади 102,8 тыс. га, в том числе на территории Гослесфонда в 64, 4 тыс. га. Если же рассматривать площадь охраняемых территорий на душу населения, то Карелия, по мнению тех же специалистов, была далеко впереди и Финляндии, и других скандинавских стран. В республике в рассматриваемый период было мало национальных парков и заповедников, но удельный вес на территории Карелии охраняемых природных территорий был не меньше, чем в

Финляндии или Швеции, а также больше, чем в Норвегии. Проблема состояла в том, что средняя площадь охраняемого объекта была примерно в 10 раз больше, чем в скандинавских странах. Площадь национального парка в Карелии в среднем почти в 5 раз больше, чем в Финляндии⁶.

По мнению ряда российских лесопромышленников, лесохозяйственников, ученых, начиная с 1990-х гг., Карелия начала буквально душиться экономически блокированием европейских рынков сбыта для ее леса. Вывод, который сделали отечественные специалисты, заключался в том, что это была уже не столько экология, сколько большая политика, связанная с не менее крупным бизнесом. По их мнению, «Гринпис» и прочие такого рода организации в данном случае были всего лишь спутниками, которые «вращались» возле главного «центра финансовых масс», в роли которого выступает могущественная интернациональная структура – Фонд дикой природы (или WWF), имевший своим символом забавного мишку-панду⁷.

В середине октября 1999 г. в Петрозаводске собрался семинар работников лесного хозяйства северо-западных областей России. Обсуждался вопрос об апробации в Карелии новой системы сертификации российского леса, с помощью которой наша страна пыталась прорвать «зеленый занавес», опустившийся на западные рынки сбыта отечественной древесины. Особенно острым на данном семинаре было выступление директора ВНИИ лесных ресурсов Валентина Страхова, человека весьма известного в экологических кругах. Суть данного выступления сводилась к тому, что центральную роль в нынешней кампании по защите лесов, так болезненно ударившей по Карелии, играет мировой Фонд дикой природы, WWF, который был создан как некий закрытый клуб богатейших людей, среди которых очень много магнатов газовой, металлургической, химической и нефтехимической индустрии. Средства, которыми этот фонд располагает, исчисляются примерно двумястами миллиардами долларов, и создан WWF не без рыночной основы. В нем, по мнению В. Страхова, очень много людей, которые заинтересованы в том, чтобы вытеснить древесину с мирового рынка. В интересах, скажем, тех же производителей новых строительных и конструкционных материалов или офисной мебели: пластика, алюминия и т. д. Однако, по его мнению,

⁶ Лесопромышленный комплекс Республики Карелия (1990–1999 гг.). С. 30.

⁷ Кучеренко В. Деревья умирают, ничего не стоя: Карелия превращена в полигон для «зеленого давления» на Россию? // Российская газета. 1999. № 218, 3 ноября. URL: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Press/991117.html> (дата обращения: 13.03.2017).

заменители дерева как раз и требуют экологически опасного производства (например полимеров и алюминия) и истощения невозобновимых ресурсов. Тогда как разумное ведение лесного хозяйства позволяет безо всякого риска для гибели лесов получать действительно экологически чистые материалы для строительства и жизни. При этом лес в отличие от нефти, газа, металлов и угля постоянно растет. В результате Фонд дикой природы начал защищать карельские леса и играть ведущую роль в мировом Лесном попечительском совете⁸.

Причина того, что главные субъекты экологической модернизации западного образца (государство, бизнес, общество) оказались на региональном уровне ее главными противниками, заключалась также в том, что главной тенденцией развития российской экополитики в период 1990-х гг. была ее децентрализация, которая выражалась прежде всего в том, что позиция ключевых агентов экополитики перешла от федеральных природоохранных структур к региональным. Федеральный центр лишь определял основные контролируемые функции природоохранных органов. Этот процесс был обусловлен прежде всего природными и социально-экологическими различиями, существовавшими между российскими регионами, которые не позволяли разрабатывать стандартные модели управления. Не менее важной причиной децентрализации экополитики являлось сокращение финансирования областных отделов природоохранных структур, вследствие которого возрастала зависимость последних от регионального бюджета и региональной власти.

В результате в разных российских регионах сложились различные модели экополитики и управления. Позиции природоохранных органов оказались наиболее сильны в регионах с относительно развитой промышленностью, порождающей серьезные экологические проблемы и (или) отличающихся высокой активностью экологического движения. Нужно признать, что в условиях падения объемов лесозаготовок к середине 1990-х годов экологические проблемы вряд ли могли стать серьезной причиной для ухудшения положения населения, которое в результате не стремилось продемонстрировать высокую активность, занимаясь решением социально-экономических проблем.

Библиография

1. Некрасов М.Д. Вопросы управления лесным комплексом Карелии в рыночных условиях // Экономические проблемы становления рыночных отношений Республики Карелия (проблемы и тенденции развития). Петрозаводск, 1997. С. 33-35.

⁸ Кучеренко В. Деревья умирают, ничего не стоя...